ГОДЪ КІЕВСКІЯ XLI.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 4 руб. съ пересылкой.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ

1902 года. № 9. 1 Мая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ день тезоименитства Ея Императорскаго Величества, Благочистивѣйшія Государыни Императрицы Александры Θеодоровны.

Внемлите себѣ (Луки XXI, 34).

Предметъ нынѣшняго слова—вопросъ о „религіозномъ кризисѣ". Оговоримся. Съ церковной каѳедры не принято употреблять чужеземныя слова. Но слово „кризисъ" такъ опредѣленно выражаетъ сущность нашего вопроса, что мы рѣшаемся удержать это слово въ нашемъ словѣ къ вамъ, братіе.

Ни для кого не тайна, что мы въ настоящее время переживаемъ нелегкой формы религіозный кризисъ. Кризисы бывали и въ прежнія времена, но форма ихъ не была столь острая, какъ теперь. Въ послѣднее время и при содѣйствіи талантливо пишущаго пера, и при усердномъ содѣйствіи печати,

и въ устномъ общественномъ обмѣнѣ мысли, и ко времени, и безъ времени, и научно серьезно, и дерзко кощунственно, и въ подходящихъ обстоятельствахъ, и не въ подходящихъ условіяхъ, напр. въ присутствіи малыхъ дѣтей, или некнижныхъ простецовъ въ вѣрѣ, подвергаются громкому обсужденію, критикѣ, и иногда очень нещадной, всѣ вѣковые и *основные* вопросы вѣры и христіанской нравственности—вопросы религіи, вопросы о Богѣ, о Христѣ Спасителѣ нашемъ, о таинствахъ Церкви, о будущей жизни, о цѣляхъ и задачахъ жизни здѣсь на землѣ, о нравственныхъ началахъ, о семьѣ, о бракѣ, объ имуществѣ, собственности, раздѣлѣ богатствъ и т. п. И религіозный кризисъ обнаруживается именно въ томъ, что это творится не у насъ только на св. Руси, а и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Время знаменательное!

Переживаемое время—не легкое! Если когда, то именно теперь подобаетъ поставить предъ глазами своими завѣтъ Евангелія: *внемлите себѣ...* Въ чемъ же состоитъ переживаемый нами „религіозный кризисъ“?

Въ составъ религіи входятъ, во 1-хъ, *основы*—это догматы вѣры христіанской. Это истины истинъ. Эти основныя истины—догматы изложены въ сѵмволѣ вѣры. Сѵмволъ вѣры мы знаемъ всѣ и знаемъ, что основныхъ истинъ въ немъ, заключено двѣнадцать. И ни одна изъ сихъ двѣнадцати основныхъ истинъ не избѣжала въ настоящемъ кризисѣ того, чтобы ее не попытались поколебать, сдвинуть съ фундамента Церкви. Но современный кризисъ этимъ не исчерпывается. Теперь дерзко говорятъ: всѣ догматы излишни; отъ религіи требуется *только* мораль, нравственность (этика)... Будто возможны выводы безъ основъ?.. Будто возможно заключеніе безъ соотвѣтствующихъ посылокъ! Для кого дѣлать добро если отрицать начало добра—Бога?.. Въ практическомъ отношеніи зло иногда доходнѣе добра... И вышелъ нашъ вѣкъ—

вѣкъ по преимуществу *практическій*,—безъ вѣры въ высокія божественныя истины.

Во 2-хъ, въ составъ религіи входитъ нравственный законъ. Сущность его 10-ть заповѣдей. Современный кризисъ коснулся и нравственнаго закона. Была попытка создать *новую* нравственность; начали выдумывать свойства какого то новаго „сверхчеловѣка“. А въ дѣйствительности эти „сверхчеловѣки“ оказались негоднѣе самыхъ простыхъ, но здравомыслящихъ людей. Книжнымъ людямъ извѣстна печальная участь того новаго изобрѣтателя новой нравственности, который своимъ мудрствованіемъ удивилъ міръ. Онъ сошелъ съ ума!

Въ 3-хъ, въ составъ религіи входитъ христіанская надежда, упованіе на будущую жизнь, на правый судъ Божій, на правое награжденіе добра, на заслуженное наказаніе зла. И христіанское *упованіе наше*—Христосъ Господь (1 Петра 1, 13). И мы всѣ знаемъ, что безъ упованія, безъ надежды жизнь невозможна. Гдѣ нѣтъ надежды—тамъ жизнь ада. Современные создатели религіознаго кризиса говорятъ своимъ послѣдователямъ: „по вопросамъ будущей загробной жизни, по вопросамъ будущаго суда—оставь надежду навсегда“. Но намъ, служителямъ алтаря Господня, не разъ приходится видѣть, какъ на смертномъ одрѣ, отрицатели надежды на будущую жизнь просили, вопили къ Богу: „Отче нашъ! оживи въ насъ вѣру, не лиши насъ Твоей милости и Твоего небеснаго царствія“!.. И какъ они ропщутъ на тѣхъ, кто похитилъ у нихъ религію!..

Религіозный кризисъ нынѣ, т. е. въ наше время, захватилъ очень многихъ и книжниковъ, и некнижниковъ, и мудрыхъ, и простецовъ, и старыхъ, и юныхъ, и мужескій полъ, и женскій, такъ какъ и сей послѣдній часто, забывая долгъ матери и хозяйки дома, любитъ теперь вводить себя въ обсужденіе вопросовъ религіи, брака, правъ собственности, развода и т. п.

Не спокойное, болѣзненное въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ, время наше вынуждаетъ глубоко призадуматься тѣхъ, кому дороги *правые пути* жизни, кому дороги вѣковѣчныя основы религіи и нравственности и основанное на сихъ началахъ общественное благоденствіе.

Задача и цѣль нынѣшняго нашего слова къ вамъ, братіе, не та, чтобы рисовать предъ вами „на большомъ полотнѣ“ картину переживаемаго нами религіознаго кризиса. Задача наша иная—задача *пастырская*. Какъ намъ быть среди сихъ временъ? Періоды „кризисовъ“ вообще—періоды важные. За ними обыкновенно слѣдуетъ или быстрое улучшеніе, или быстрый упадокъ. Мы должны, по словамъ Апостола, *искупать время, яко дніе лукавн суть*. (Ефес. V, 16).

Прежде всего мы должны поставить себѣ на видъ, что въ такія рѣшительныя минуты имѣетъ очень важное значеніе *молитва* къ Богу—благодателю нашему, Который „неисповѣдимою благостію и богатымъ промысломъ“ управляетъ судьбами міра. „Не фарисейски“, но сердечно помолимся: *Господи настави насъ на путь*—путь истинный. И мы не будемъ оставлены безъ руководства, ибо Господь *естъ путъ и истина, и животъ* (Іоан. XIV. 6). Были уже времена въ минувшей исторіи, когда христіанскій міръ переживалъ нелегкіе христіанскіе кризисы, напр. въ вѣкъ Златоуста, когда о вѣрѣ спорили вездѣ: и въ общественныхъ собраніяхъ, и на стогнахъ града, и на распутіяхъ улицъ, и даже въ общественныхъ баняхъ. И истина не пострадала, такъ какъ ее не одолѣютъ и *врата ада*

Второе, если когда, то именно теперь слѣдуетъ имѣть предъ глазами завѣтъ Апостола: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся*. (1 Коринѳ. XVI, 13). Если когда, то именно теперь своевременно напомнить себѣ и сей завѣтъ Апостола Колоссаямъ: *братіе! блюдитеся, да никтоже васъ будетъ прельщая философіею и тщетною лестію, по преданію человѣческому, по стихіямъ міра, а не по Христѣ: яко*

въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлѣснѣ (Колос. II, 8 и 9).

Третье, *внемлите* же *себѣ*... Внемлемъ себѣ, бр.! Время, переживаемое нами,—время *небезразличное*.. Вѣдомо, что религіозно-нравственный кризисъ коснулся и пошатнулъ вопросы, касающіеся семьи, воспитанія, отношенія людей къ людямъ, отношенія младшихъ къ старшимъ и подчиненныхъ къ начальствующимъ. Мы отвѣтствены за будущее. Насъ осудятъ грядущія поколѣнія, если мы проглядимъ ошибки нашего времени. Не разшаталось бы дѣло религіи на нашихъ глазахъ! А безъ религіи общественная жизнь не безопасна... Безъ религіи—человѣкъ звѣрь, и звѣрь самый алчный. Нашъ долгъ сохранить вѣру нашихъ православныхъ отцовъ и дѣдовъ—нашихъ благочестивыхъ предковъ.

Великій и глубоко-поучительный примѣръ твердаго и непоколебимаго стоянія въ вѣрѣ отцовъ и православіи предковъ представляетъ намъ нашъ Царствующій Домъ Романовыхъ.

Начиная отъ основателя Царствующаго Дома нашего, царя Михаила Θеодоровича Романова, весь длинный періодъ царей Всероссійскихъ, какъ равно и благополучно царствующій теперь Государь Императоръ Николай II, всегда были и есть истинные сыны Церкви православной. Кому неизвѣстно глубокое благочестіе Александра I-го? Кто не знаетъ его завѣтной любви къ Библіи?

Кто не знаетъ твердости въ правилахъ вѣры Императора Николая 1-го?

Кому не вѣдомо мягкое, истинно христіанское сердце Александра II-го, Царя—*Освободителя* и мученика?

Не у всѣхъ ли насъ еще въ живой памяти „русское благочестіе“ Императора Александра III-го?

Да утверждается же миръ, благоденствіе и правовѣріе на св. Руси подъ покровомъ благочестиваго и Христолюбиваго нашего Царствующаго Дома!

Какъ основанію православной вѣры на Руси послужила женская линія великихъ княгинь въ лицѣ святой и равноапостольной Ольги, такъ и въ основаніе нынѣ Царствующаго Дома нашего устои правой вѣры и благочестія положила великая инокиня Мареа, бывшая супруга князя, впослѣдствіи патріарха, Филарета Никитича Романова. И вообще женскій родъ нашихъ Государынь и Императрицъ украшался славными именами вѣрныхъ дочерей православной Церкви. Какое множество религіозныхъ, воспитательныхъ и благотворительныхъ учрежденій въ нашемъ отечествѣ обязано своимъ происхожденіемъ ихъ благовѣрнымъ именамъ!

Мы всѣ знаемъ высокія религіозно-нравственныя качества благовѣрной супруги нашего Царя—Государыни Императрицы Александры Өеодоровны. Да будетъ же нынѣшній день, день Ея тезоименитства, днемъ торжества и радости для всей обширной Россіи. Она—свѣтлый лучъ Россіи. Да хранитъ Ее Господь на многія лѣта! Аминь. Прот. *Кл. Өоменко.*

Преподобный Өеодосій, основатель Кіево-Печерскаго монастыря.

(къ 3 мая)

Въ настоящей бесѣдѣ нашей мы рѣшили остановить вниманіе уважаемаго собранія [1]) на личности и дѣятельности великаго Кіево-Печерскаго подвижника, преп. Өеодосія. Личность этого угодника Божія, дорогая сердцу каждаго русскаго человѣка, еще болѣе близка и дорога намъ, кіевлянамъ; потому что въ Кіевѣ, древней матери городовъ русскихъ, протекла

[1]) Кіевск рел.-просвѣтит. Общества, 10 марта 1902 г.

подвижническая жизнь преп. Өеодосія; потому что въ Кіевѣ и доселѣ продолжаетъ существовать самое важное дѣло жизни преп. Өеодосія, основанный имъ Печерскій монастырь. Великій подвижникъ, находясь уже на смертномъ одрѣ и чувствуя приближеніе смерти, такъ говорилъ братіи, явившейся по его зову выслушать предсмертное наставленіе своего „пастуха“ и игумена: „О семь разумѣйте дерьзновеніе мое еже къ Богоу: егда видите вься благая оумножающаяся въ манастыри семь вѣдите, яко близь Владыкы Небесьнааго ми соущю; егда ли видите скудѣніе суще и вьсѣмъ оумаляющеся, тъгда разоумѣите, яко далече ми Бога быти и не имоуща дерьзновенія молитися къ Немоу“ (Чтен. въ Общ. ист. и древн. за 1879 г., кн. 1, отд. памятн. л. 38, столб. 4 и л. 39, столб. 1). Такъ передаетъ слова преп. Өеодосія его жизнеописатель, преп. Несторъ, и согласно съ нимъ нашъ начальный лѣтописецъ (См. Лаврентіевскую лѣт., изд. 1872 г., стр. 182). Великій создатель Печерскаго монастыря, конечно, питался мыслію, что дѣло его жизни не погибнетъ, что Господь благословитъ его трудъ. Процвѣтаніе Печерскаго монастыря на пространствѣ свыше восьми вѣковъ говоритъ намъ, что исполнилось горячее желаніе его сердца, что Господь благословилъ дѣло его рукъ, что дѣло это было жизненное, удовлетворяло и удовлетворяетъ насущныя потребности времени. О Кіево-Печерскомъ монастырѣ нельзя сказать, что это святыня Кіева; нѣтъ, это святыня обще-русская, и таковою онъ сдѣлался вскорѣ послѣ смерти своего основателя, преп. Өеодосія. Со всѣхъ сторонъ нашего необъятнаго отечества стекаются сюда люди, въ которыхъ горитъ свѣтъ теплаго религіознаго чувства, и славенъ Кіевъ-градъ во всей Русской землѣ, прежде всего благодаря Кіево-Печерской лаврѣ. Мало также сказать про Кіево-Печерскій монастырь, что онъ питаетъ религіозное чувство русскаго человѣка; нѣтъ, онъ изумляетъ, поражаетъ обиліемъ святыни, и такого обилія мы напрасно искали бы

въ другомъ какомъ либо политическомъ центрѣ Россіи. Таково общее значеніе дѣятельности преп. Ѳеодосія, выразившейся въ основаніи Печерскаго монастыря. Отсюда съ очевидностію вытекаетъ, что дѣятельность эта далеко выступаетъ изъ границъ личнаго подвига благочестія. Печерскій монастырь и его основатель принимаютъ дѣятельное участіе въ историческихъ судьбахъ русскаго народа, получаютъ значеніе не только для религіозныхъ русскихъ людей, но и для историка русской церкви и русскаго государства. Для историка важность Кіево-Печерскаго монастыря и его основателя въ достаточной мѣрѣ выясняются уже тѣмъ фактомъ, что одинъ изъ непосредственныхъ постриженниковъ или учениковъ преп. Ѳеодосія является русскимъ начальнымъ лѣтописцемъ. Эта начальная лѣтопись, прекрасное и единственное въ своемъ родѣ произведеніе, не только положила начало лѣтописному дѣлу на Руси, но и сохранила намъ память о начальныхъ событіяхъ русской исторіи, слѣдовательно, является однимъ изъ существенныхъ условій нашего историческаго самосознанія. Безъ этой лѣтописи наша исторія представляла бы изъ себя книгу безъ начальныхъ листовъ. Отсюда ясно, что преп. Ѳеодосій, какъ основатель Кіево-Печерскаго монастыря, получаетъ высокое культурное значеніе.

Уже начальный лѣтописецъ, какъ постриженникъ Кіево-Печерскаго монастыря, искренно благоговѣвшій предъ личностью своего учителя, преп. Ѳеодосія, поражался исключительными судьбами родной обители. Въ самомъ Кіевѣ кромѣ Печерскаго монастыря были, между прочимъ, два богатыхъ княжихъ монастыря: Георгіевскій, основанный Ярославомъ I Мудрымъ, сыномъ Владиміра св., и Димитріевскій, основанный Изяславомъ Ярославичемъ, куда въ игумены взятъ былъ бывшій игуменъ Печерскаго монастыря Варлаамъ, непосредственный предшественникъ преп. Ѳеодосія по игуменству. Начальный лѣтописецъ, очевидно, повторяетъ взглядъ, суще-

ствовавшій и въ стѣнахъ Печерскаго монастыря, когда говоритъ, что „Изяславъ постави монастырь святаго Димитрія, хотя створити вышній сего монастыря, (т. е. Печерскаго), надѣяся богатству" (Лавр. лѣт. изд. 1872 г., стр. 155). Исторія судила иначе: господствующее значеніе въ Кіевѣ и значеніе всероссійское выпало на долю Печерскаго монастыря. По объясненію начальнаго лѣтописца, произошло это потому, что онъ основанъ „слезами, пощеньемъ, молитвою и бдѣньемъ" (Лавр. л. стр. 155). Разумѣется, не одна эта причина опредѣлила историческое значеніе Печерскаго монастыря; но и эта причина была немаловажна. Въ княжіе монастыри, какъ богатые, могли стремиться люди, заинтересованные, между прочимъ, и въ ихъ богатствѣ; въ Печерскій монастырь шли бѣдняки и тѣ изъ богатыхъ людей, которые искренно и рѣшительно отрекались отъ міра и его прелестей и не только не искали въ монастырѣ обогащенія, но и сами приносили туда рѣшительно все, что могли и имѣли. Ясно, что братію Печерскаго монастыря составляли люди, сильные духомъ, ревнители высокаго иноческаго подвига, способные и готовые переносить всякія случайности необезпеченной жизни, вольный и невольный голодъ, холодъ, нищету. Если постигало ихъ какое либо жизненное испытаніе, не обходящее и уединенную иноческую келью, то истинные иноки искренно и смиренно благодарили Бога за это испытаніе, какъ посланное для ихъ же душевной пользы: или для укрѣпленія ихъ терпѣнія, или для вразумленія, или для заглажденія вольныхъ и невольныхъ грѣховъ. Такого раба Божія нечѣмъ смутить; безсильна противъ него и угроза. Въ этомъ смыслѣ истинное иночество, каковымъ было иночествованіе самаго преп. Ѳеодосія и его учениковъ, представляло изъ себя громадную нравственную силу, съ которой невозможно было не считаться, предъ которой не могъ не преклониться міръ. Значеніе этой силы возрастаетъ, когда мы принимаемъ во вниманіе высоту христі-

анскаго идеала, воодушевлявшаго великаго подвижника и все Кіево-печерское иночество, и тѣ историческія условія, при которыхъ приходилось жить и дѣйствовать преп. Ѳеодосію и его ученикамъ.

Земная человѣческая жизнь, опредѣлившаяся моментомъ грѣхопаденія человѣка, какъ извѣстно, далеко не можетъ быть представляема въ видѣ величайшаго блага и счастія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно развернуть произведенія величайшихъ писателей европейскихъ народовъ. Знаменитый Данте нашелъ въ себѣ сильный голосъ и пластичность картинъ для выраженія страданій человѣка, но не нашелъ ихъ для выраженія радости. А наша грустная народная пѣсня? Изъ конца въ конецъ несется она на безконечномъ пространствѣ святой Руси. Не радостное чувство подсказало ее; не въ пору веселья выливается она изъ груди пѣвца. Да, нужно полюбить жизнь; нужно понять, уразумѣть высокій ея смыслъ, далеко не всѣмъ доступный, даже изъ великихъ умовъ, чтобы радоваться среди страданій, находить утѣшеніе среди невзгодъ, удовлетвореніе среди лишеній. Только съ точки зрѣнія этого высшаго смысла жизни можно почувствовать, что каждый изъ насъ необходимое звено въ цѣпи сложныхъ условій, которыми поддерживается семейная, общественная и государственная жизнь, что каждый изъ насъ своимъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ способомъ созидаетъ личное и общее благо. Этотъ высокій смыслъ человѣческой жизни, доступный постиженію человѣческаго сердца, свое высшее истолкованіе и утвержденіе находитъ въ христіанствѣ. Христіанство не только освѣщаетъ значеніе земныхъ лишеній и страданій, но еще говоритъ намъ, что конечное назначеніе человѣка, съ его безсмертной душой, есть нескончаемая блаженная жизнь за гробомъ, къ которой жизнь на землѣ есть только приготовленіе. И какъ ничто высокое на землѣ не достигается безъ усилій и труда, такъ и „царство Божіе ну-

дится". Это значитъ не то, что Богъ услаждается страданіями человѣка, какъ страданіями, а то, что страданія, труды и лишенія возвышаютъ человѣка, очищаютъ его, дѣлаютъ способнымъ къ постиженію и воспріятію всего высокаго, чистаго, отрѣшеннаго отъ погруженія въ земную плотскость, словомъ — небеснаго; это значитъ то, что въ страданіяхъ и самопожертвованіи выражается сила и глубина нашей сердечной привязанности и любви къ тому, во имя кого или чего переносятся лишенія. Самъ Спаситель совершилъ великое дѣло примиренія человѣка съ Богомъ путемъ страданій и крестной смерти. Въ этихъ страданіяхъ и жертвѣ крестной съ одной стороны нашла удовлетвореніе Божественная правда, съ другой—выразилась безконечная любовь Богочеловѣка къ людямъ. Здѣсь-же предуказанъ человѣку образъ его жизненнаго пути, которымъ онъ одновременно приближается и къ выполненію своего назначенія на землѣ и къ соучастію въ радостяхъ загробной жизни. Такой взглядъ на жизнь человѣка и земныя страданія былъ чуждъ язычеству: это есть откровеніе христіанства,—откровеніе, которое человѣчеству предстояло усвоить путемъ долгаго историческаго опыта. Воплотить жизненно эту сторону христіанскаго міровоззрѣнія приняло на себя христіанское иночество путемъ не только невольныхъ, но и добровольныхъ лишеній, и опытомъ своей жизни старалось и старается указать, что скорби, страданія и отреченіе отъ благъ міра еще не есть дѣйствительное бѣдствіе человѣка и не могутъ поколебать мира и спокойствія души христіанина. У насъ, на Руси, иночество во всемъ своемъ величіи и своей исторической миссіи ранѣе всего воплотилось въ дѣятельности основателей Кіево-Печерскаго монастыря и ихъ учениковъ.

(*Продолж. слѣд.*).

*В. Малинин*ъ.

Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій, какъ христіанскіе писатели (по поводу исполнившагося 50-лѣтія со времени ихъ кончины).

Въ февралѣ и апрѣлѣ мѣсяцахъ текущаго года русское образованное общество съ рѣдкимъ одушевленіемъ почтило память двухъ выдающихся русскихъ писателей Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго, по поводу исполнившагося 50-лѣтія со времени ихъ кончины. Хотя нашъ простой народъ еще очень далекъ отъ того умственнаго состоянія, въ какомъ онъ могъ бы вполнѣ понять значеніе Гоголя и Жуковскаго въ исторіи русскаго народа, но, при усиленномъ стремленіи дѣятелей народной школы привлечь къ почтенію памяти нашихъ лучшихъ писателей и простой народъ, можно надѣяться, что имена Гоголя и Жуковскаго теперь не будутъ совершенно чуждыми, по крайней мѣрѣ, для молодого, подростающаго поколѣнія нашего простого народа. Если бы это было такъ, дѣйствительно, то можно было бы съ утѣшеніемъ сказать, что цѣль устроителей юбилейныхъ торжествъ была достигнута въ значительной степени.

Оживленіе въ сознаніи народномъ памяти о выдающихся дѣятеляхъ народной жизни имѣетъ важное, великое значеніе. Оно знакомитъ насъ съ тѣми идеальными стремленіями, какими руководились лучшіе представители народа, а также и съ тѣми завѣтами, какіе они оставили намъ, своимъ потомкамъ. Знакомство съ идеальными стремленіями, побужденіями и завѣтами лучшихъ дѣятелей, наиболѣе богато одаренныхъ отъ Бога „талантами“ умственными и нравственными, наиболѣе способныхъ, поэтому, глубоко и вѣрно опредѣлять истинныя свойства, задачи и потребности народной жизни, можетъ и должно возвышать и одухотворять нашу жизнь и дѣятельность, которая иногда можетъ принимать слишкомъ матеріальное, земное, низменное направленіе, возбуждать нашу волю и

энергію къ возможному осуществленію того, къ чему стремились и чего не могли, по разнымъ обстоятельствамъ, достичь наши лучшіе русскіе дѣятели. Особенно благотворнымъ должно быть признано возможно болѣе широкое и всестороннее ознакомленіе русскаго народа съ высшими стремленіями и послѣдними завѣтами, какіе оставили своему народу такіе поистинѣ замѣчательные писатели, какъ Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій.

Одну изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей юбилейныхъ торжествъ, устроенныхъ у насъ въ память этихъ писателей, составляетъ то, что торжества эти получили благословеніе церковное, и въ нихъ, съ благословенія высшаго церковнаго нашего священноначалія, приняли участіе воспитанники не только духовно-учебныхъ заведеній, но и церковно-приходскихъ школъ. Это весьма важное обстоятельство свидѣтельствуетъ, съ одной стороны, о томъ, что наша церковь православная есть истинно народная церковь, попечительница и покровительница, мать всего русскаго народа, благословляющая и освящающая все то, что истинно полезно и необходимо для блага и преуспѣнія нашего народа, принимающая близко къ сердцу все то, что сообразуется съ истинными потребностями народной жизни, а съ другой стороны,—о нравственной высотѣ, красотѣ и чистотѣ литературной дѣятельности Гоголя и Жуковскаго, напоминаніе о которой русскому народу благословило высшее священноначаліе нашей русской православной церкви.

Въ чемъ же заключается эта безсмертная высота, красота и чистота литературной дѣятельности чествуемыхъ нами великихъ русскихъ писателей?

Она заключается въ томъ, что оба они были истинно христіанскіе писатели, понимавшіе задачу своей дѣятельности и осуществлявшіе ее въ полнѣйшемъ согласіи съ требованіями православно-христіанской вѣры. Литературная дѣятельность

Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго была вѣрнымъ отраженіемъ ихъ умственно-нравственнной жизни, ихъ пониманія и отношенія къ религіи. Поэтому и вся литературная дѣятельность ихъ была такъ же прекрасна и нравственно чиста, какъ и вся ихъ жизнь.

Оба они смотрѣли на свою литературную дѣятельность, какъ на подвигъ, указанный имъ Самимъ Богомъ, какъ на должность, на которую призвало ихъ Само Провидѣніе. Задумавъ посѣтить св. землю, Н. В. Гоголь такъ объяснялъ мотивы, которыми онъ руководствовался, принимая это рѣшеніе: „одною изъ главныхъ причинъ моего путешествія ко святымъ мѣстамъ было желаніе *искренно помолиться и испросить благословенія на честное исполненіе должности*, на вступленіе въ жизнь у Самого Того, Кто открылъ намъ тайну жизни, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда проходили Стопы Его, поблагодарить за все, что ни случилось въ моей жизни, испросить дѣятельности и напутственнаго освѣженія на дѣло, для котораго я себя воспитывалъ и къ которому приготовлялъ себя“....

А вотъ какъ В. А. Жуковскій, устами одного изъ дѣйствующихъ лицъ, выводимыхъ имъ въ поэмѣ „Камоэнсъ“, опредѣляетъ призваніе, необходимыя качества поэта и цѣль, какую онъ долженъ преслѣдовать въ своей дѣятельности.

„*Клянуся, ты назначенъ быть поэтомъ.*
Не своелюбіе, не тщетный призракъ
Тебя влекутъ—*тебя зоветъ Самъ Богъ*;
Къ великому стремишься ты смиренно,
И ты дойдешь къ нему—ты сердцемъ чистъ...
Не счастія, не славы здѣсь
Ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ,
Подъемлющимъ родныя мнѣ сердца
На высоту, зарей, побѣду дня

Предвозвѣщающей, великихъ думъ
Воспламенителемъ, глаголомъ правды,
Лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ,
И сторожемъ нетлѣнной той завѣсы,
Которою предъ нами горній міръ
Задернутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ
Ее приподымать и святость жизни
Являть во всей ея красѣ небесной—
Вотъ долгъ поэта, вотъ мое призванье!"

При такомъ глубокомъ пониманіи своего призванія и при общемъ возвышенномъ настроеніи чествуемыхъ писателей, нисколько неудивительнымъ является то, что религіозные мотивы становятся господствующими въ ихъ произведеніяхъ. Даже тамъ, гдѣ вопросы религіи совершенно не затрогиваются, даже въ самыхъ, казалось бы, обыденныхъ произведеніяхъ слышится какъ у того, такъ и у другого писателя вѣяніе религіознаго, церковнаго духа, православно-христіанское воззрѣніе на предметы и высоко-нравственное отношеніе къ явленіямъ человѣческой жизни. Мысли Н. В. Гоголя по нѣкоторымъ вопросамъ, какъ напр. о православномъ пастырствѣ, объ отношеніи къ несчастіямъ и страданіямъ и т. п. настолько возвышенны, чисты и совершенно вѣрны съ православно-христіанской точки зрѣнія, что авторъ ихъ въ этомъ отношеніи совершенно справедливо называется христіанскимъ нравоучителемъ. Подобнымъ образомъ и произведенія В. А. Жуковскаго всецѣло проникнуты религіознымъ православно-христіанскимъ духомъ. Въ нихъ съ замѣчательною рельефностію отражается нѣжность души автора, чистота его нравственныхъ убѣжденій, высокій интересъ къ тѣмъ вопросамъ, которые рѣшаются религіей. О чемъ бы ни заговорилъ поэтъ въ своихъ произведеніяхъ, о природѣ ли, о дружбѣ, о любви, о родинѣ, о благахъ мира и бѣдствіяхъ войны, на все онъ смотритъ и все онъ объясняетъ и себѣ и

другимъ какъ истинно вѣрующій и притомъ глубоко убѣжденный христіанинъ. Это и понятно, если проникнуться убѣжденіемъ поэта, что „*поэзія есть земная сестра небесной религіи, свѣтлый маякъ, Самимъ Создателемъ зажженный, чтобы мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились съ пути: поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли*“.

Связанные тѣсными узами дружбы, глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ томъ, что занятіе, которому они посвятили всю свою жизнь, *есть призваніе отъ Бога, должность, указанная Самимъ Провидѣніемъ*, оба писателя совершали свое дѣло „свято“, съ глубокимъ смиреніемъ и вмѣстѣ со страхомъ, какъ бы не употребить во вредъ дарованнаго имъ отъ Бога таланта. Извѣстно, что Н. В. Гоголь отстаивалъ правду, поражая своею острою сатирою неправду, давалъ торжество добру, изображая во всей рельефности всю мерзость зла. Но когда ему стали говорить, что онъ поступаетъ неправо, то писатель усумнился въ самомъ себѣ и приступилъ къ самой основательной провѣркѣ пути, по которому онъ шелъ дотолѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ начали говорить, пишетъ онъ въ своей „Авторской исповѣди“, что я смѣюсь не только надъ недостаткомъ, но даже цѣликомъ и надъ самымъ человѣкомъ, въ которомъ заключенъ недостатокъ, и не только надъ всѣмъ человѣкомъ, но и надъ мѣстомъ, надъ самою должностью, которую онъ занимаетъ, я увидѣлъ, *что нужно со смѣхомъ быть осторожнымъ*, тѣмъ болѣе, что онъ заразителенъ.... Словомъ, я видѣлъ ясно, какъ дважды два четыре, что прежде покамѣстъ не опредѣлю себѣ самому опредѣлительно, ясно, высокое и низкое русской природы нашей, достоинства и недостатки наши, мнѣ нельзя приступить къ дѣлу; а чтобы опредѣлить себѣ русскую природу, слѣдуетъ узнать получше природу человѣка вообще и душу человѣка вообще: безъ этого не станешь на ту точку зрѣнія, съ которой видятся ясно недостатки и достоинства всякаго народа.... Къ этому

привелъ меня и анализъ надъ моей собственной душой: я увидѣлъ нужду математически ясно, что говорить и писать о высшихъ чувствахъ и желаніяхъ человѣка нельзя по воображенію: „*нужно заключить въ самомъ себѣ хотя небольшую крупицу этого, словомъ нужно сдѣлаться лучшимъ*“.

Подобнымъ образомъ и В. А. Жуковскій говорилъ въ письмѣ къ своему другу А. И. Тургеневу: „надобно сдѣлаться человѣкомъ, надобно прожить не даромъ, съ пользою, какъ можно лучше... Эта мысль меня оживляетъ, братъ!.. Я нынче гораздо сильнѣе чувствую, что я не долженъ пресмыкаться въ этой жизни, что долженъ возвысить, образовать свою душу *и сдѣлать все, что могу для другихъ. Мы можемъ быть полезны перомъ своимъ*,—не для всѣхъ, но для нѣкоторыхъ, кто захотятъ насъ понять“.

Съ наибольшею рельефностью глубокая религіозность чествуемыхъ писателей выразилась во время кончины ихъ. Связанные узами искренней дружбы и любви, они пережили одинъ другого очень не надолго.

Первымъ отошелъ изъ этой жизни Н. В. Гоголь. Кончина его была истинно христіанская: такая же тихая, безмятежная, спокойная, чистая и серьезная, какъ и вся его жизнь. Въ послѣдніе дни своей жизни онъ постоянно ходилъ въ церковь, усердно молился, воздерживался отъ пищи, исповѣдывался и причащался, безбоязненно ожидая смертнаго конца.

Такова же—истинно христіанская—была кончина и друга его В. А. Жуковскаго. „Рѣдко можно встрѣтить“, говоритъ непосредственный свидѣтель и очевидецъ послѣднихъ минутъ жизни поэта, прот. Базаровъ, „подобнаго человѣка, который бы такъ безбоязненно смотрѣлъ въ глаза смерти, какъ смотрѣлъ на нее нашъ поэтъ-христіанинъ и христіанинъ философъ Жуковскій. Съ самаго перваго дня своей болѣзни, которая серьезно началась съ 1-го апрѣля, онъ уже помышлялъ

о переходѣ въ другой міръ. Вообще это была кончина вполнѣ достойная названія истинно-христіанской. Поэтъ обратилъ свои очи къ небу не въ послѣдній только день, не передъ самой своей смертью, но еще за мѣсяцъ почти, когда болѣзнь не имѣла остраго характера, онъ въ кругу друзей своихъ разсуждалъ о блаженствѣ соединенія съ Богомъ черезъ Іисуса Христа, ожидающемъ христіанина за гробомъ, обсуждалъ будущность своего семейства, обдумывалъ до мелочей свою будущую кончину. Все это было результатомъ его глубоко прочувствованнаго христіанскаго миросозерцанія, безъ котораго невозможно представить кончины настолько проникнутой вѣрой и надеждой".

Изъ всего сказаннаго нами о жизни, литературной дѣятельности, принципахъ, на которыхъ утверждалась эта послѣдняя, ясно видно, насколько Н. В. Гоголь и В. А. Жуковскій, бывшіе истинно христіанскими писателями, заслуживаютъ того уваженія, съ какимъ помянули ихъ церковь и все образованное русское общество въ пятидесятилѣтнюю годовщину со дня ихъ кончины, а съ другой стороны, какъ желательно возможно болѣе широкое и всестороннее ознакомленіе нашего учащагося поколѣнія съ произведеніями чествуемыхъ писателей, съ тѣми мыслями, какія въ нихъ проводятся, съ тѣми высокими завѣтами, какіе они оставили всему рускому народу.

Кромѣ того, прекрасный духовный образъ поэта В. А. Жуковскаго долженъ быть дорогъ для всего русскаго народа и для нашего учащагося юношества, какъ образъ человѣка, воспитавшаго русскому народу великаго и гуманнаго Царя Освободителя, который облагодѣтельствовалъ русскій народъ освобожденіемъ милліоновъ людей изъ крѣпостной зависимости и многими преобразованіями, какъ образъ поэта, въ своихъ сочиненіяхъ оставившаго намъ высокіе идеалы истинно-христіанскаго воспитанія дѣтей. Съ этими послѣдними идеалами надѣемся познакомить

нашихъ читателей въ другой статьѣ къ дню предстоящаго церковнаго школьнаго праздника 11 мая

Нѣсколько словъ по поводу статьи свящ. о. А. Недѣльскаго: „Почему понедѣльникъ считается днемъ тяжелымъ?“ [1]).

Объясненія даннаго народнаго воззрѣнія на второй день недѣли о. Недѣльскій ищетъ на почвѣ библейско-еврейской. Въ повѣтствованіи о второмъ днѣ міротворенія по тексту еврейскому-мазоретскому есть особенность въ сравненіи съ текстомъ греческимъ LXX-ти въ данномъ мѣстѣ, Быт. 1 гл., 6 и 8 ст; именно: въ еврейскомъ текстѣ, при повѣствованіи о сотвореніи во второй день тверди небесной посреди водъ, нѣтъ обычныхъ у Бытописателя замѣчаній: 1) *и бысть тако*; 2) *и видѣ Богъ, яко добро*,—тогда какъ у LXX-ти оба эти предложенія стоятъ и въ исторіи второго дня, какъ въ исторіи прочихъ дней міроданія. Эта особенность еврейскаго текста въ Быт. 1, 6. 8, по мнѣнію о. Н., обязана своимъ происхожденіемъ тенденціозной поправкѣ текста этого мѣста, допущенной іудейскими книжниками (въ концѣ I вѣка по Р. Хр.) на основаніи того соображенія, что съ разрушеніемъ Іерусалима и сожженіемъ храма—этой небесной тверди, раздѣлявшей верхнія, священныя воды-Израиля отъ нижнихъ, мутныхъ водъ-языческихъ народовъ—пала преграда между этими двумя мірами, воды язычества поглотили воды Израиля, почему уже не могло быть рѣчи въ Быт. I гл. *о тверди разлучающей посредѣ воды и воды* (почему было опущено выраженіе „и бысть тако“) и о Божественномъ одобреніи творенію второго дня (изъяты были и слова „и видѣ Богъ яко добро“). Вышедшее отсюда представленіе о второмъ днѣ міротворенія и вмѣстѣ недѣли (понедѣльникѣ), какъ днѣ, лишенномъ добра, несчастномъ, евреи передали европейскимъ народамъ, въ томъ числѣ и русскому народу, аскетическое благочестіе

[1]) См. Кіев. Еп. Вѣд. № 8

котораго, однако, сообщило понедѣльнику и существенно новое значеніе—сдѣлало его святымъ днемъ поста.

Представленное объясненіе не лишено интереса и привлекательности вслѣдствіе близости его къ національно-теократическимъ воззрѣніямъ библейскаго Израиля: что древніе евреи сближали понятія: тверди небесной, какъ жилища Божія, и храма Іерусалимскаго, какъ мѣста обитанія имени Божія; что воды надъ твердію и воды подъ твердію, о которыхъ упоминается въ исторіи второго дня міроzданія для евреевъ были символами избраннаго народа Божія и народовъ языческихъ, это извѣстно изъ Ветхаго Завѣта. Отсюда, конечно, можетъ представляться вѣроятною указанная корректура еврейскаго текста Быт. 1, 6. 8. Но имѣла ли мѣсто эта корректура и въ дѣйстительности?

Полагаемъ, что положительныхъ основаній для утвердительнаго отвѣта на вопросъ не имѣется. Церковные учители первыхъ вѣковъ (напр. св. Іустинъ мученикъ), упрекавшіе іудеевъ въ намѣренномъ искаженіи текста священныхъ ветхозавѣтныхъ книгъ во многихъ мѣстахъ не указывали на Быт. 1, 6. 8. А знаменитый въ еврействѣ толкователь Священнаго Писанія Раши (XII в.) объяснялъ отсутствіе въ еврейскомъ текстѣ даннаго мѣста предложеній: „и бысть тако“, „и видѣ Богъ яко добро“,—тѣмъ правдоподобнымъ соображеніемъ, что упорядоченіе *водъ* не было закончено во второй день, а лишь въ третій день, въ исторіи котораго, поэтому, оба эти предложенія поставлены каждое по два раза. Слѣдовательно, возможно допустить, что въ данномъ мѣстѣ не пропускъ по чтенію еврейскаго текста, а добавленіе у LXX. Это предположеніе подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что, тогда какъ еврейскій текстъ даннаго мѣста одинаково читается во всѣхъ спискахъ (кодексахъ),—въ греческомъ есть варіанты: въ нѣкоторыхъ кодексахъ нѣтъ выраженія καὶ ἐγένετο οὕτως въ ст. 6—мъ.

День разрушенія храма и Іерусалима авторъ опредѣляетъ по І. Флавію: въ 8-й день 8-мѣсяца. По библіи (4 Цар. 25, 8; Іер. 52, 12) и по талмуду (Таанитъ, гл. IV, 6), это событіе произошло 7-10 числа 5-го мѣсяца, Аба, въ воспоминаніе чего установленъ былъ ежегодный постъ 9 Аба (у караимовъ два дня поста—7-го и 10 Аба). Во всякомъ случаѣ, постъ, пріуроченный къ числу мѣсяца (подобно нашимъ неподвижнымъ праздникамъ и постамъ), не могъ вліять на день недѣли не могъ повлечь еженедѣльнаго поста въ понедѣльникъ (фарисеи постились въ понедѣльникъ и четвергъ по другому побужденію).

Итакъ, мы не встрѣчаемъ прямыхъ историческихъ указаній на то, что понедѣльникъ у евреевъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ считался днемъ несчастья и былъ днемъ поста. Св. Григорій Нисскій (Твор. св. о. о. т. XXXVIII, стр. 25) опровергаетъ то лжеученіе, что во второй день міозданія произошли зло и злые духи,—лжеученіе, нѣсколько напоминающее о „лишеніи добра“ 2-го дня творенія; но это лжеученіе—гностико-языческаго характера. Изъ язычества (напр. римскаго, знавшаго dies atri), думается, и слѣдуетъ выводить „тяжелые дни“, а не изъ новоіудейства. *А. Г.*

Епархіальная хроника.

Привѣтствіе Первосвятителю Кіевской паствы отъ пастырей въ день Св. Пасхи—14 апрѣля 1902 г.

Ваше Высокопреосвященство, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, Милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Христосъ воскресе!

Симъ всерадостнымъ привѣтствіемъ Свѣтлаго Праздника Воскресенія Христова отъ искренняго сердца сыновне при-

вѣтствуемъ Ваше Высокопреосвященство, Первосвятителя Кіевской паствы и Милостивѣйшаго нашего Отца.

Воскресшій изъ гроба Господь благодатною радостію да исполнитъ, Святый Владыко, Ваше сердце, и да вѣнчаетъ полнымъ успѣхомъ всѣ благія Архипастырскія начинанія Ваши на пользу Вашей паствы и во благо святой Его Церкви.

Смиреннѣйше испрашиваемъ Архипастырскихъ Вашихъ молитвъ себѣ и всей паствѣ Кіевской, пребывающей въ особенномъ духовномъ общеніи съ Вами и искренно раздѣляющей свѣтлую радость величайшаго христіанскаго Праздника.

Къ 1-му мая.—1 мая въ Кіевѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ совершено духовное торжество-праздникъ въ память священномученика Макарія, митрополита Кіевскаго и всея Россіи, въ 405 годовщину со дня мученической кончины Святителя Божія. Какъ было бы желательно, чтобы Кіевское торжество еще разъ обратило вниманіе ревнителей православной вѣры, за которую пострадалъ Святитель, благотворителей и всѣхъ почитателей священном. Макарія, между прочимъ, на то обстоятельство, что мѣсто кончины Святителя доселѣ еще остается ничѣмъ не ознаменованнымъ, пустыннымъ, какъ бы заброшеннымъ. Образовавшійся въ Кіевѣ 3 года тому назадъ особый комитетъ по устройству достойнаго памятника на мѣстѣ мученической кончины св. митрополита Макарія (м. Скрыголово Минской губерніи) пока почти ничего еще не могъ сдѣлать по осуществленію задуманнаго намѣренія. Предположено, между прочимъ, устроить на мѣстѣ мученической кончины св. Макарія часовню и церковно-приходскую школу. Пожертвованій на это къ 1 мая 1902 г., вмѣстѣ съ %, собрано всего 1372 р. 94 к. билетами и наличными. Пожертвованный Кіево-Софійскимъ соборомъ драгоцѣнный образъ св. Макарія возобновленъ и отправленъ въ м. Скрыголово на средства Кіево-Печерской лавры. Епархіальнымъ архитекторомъ Е. Ѳ. Ермаковымъ, по порученію комитета,

составленъ проектъ церковной приходской женской школы съ общежитіемъ, который и отосланъ въ распоряженіе Минскаго епархіальнаго начальства. Кромѣ того, архитекторъ—академикъ В. Н. Николаевъ, по просьбѣ комитета, составилъ проектъ часовни на мѣстѣ мученической кончины св. Макарія. Такимъ образомъ, остановка въ осуществленіи добраго дѣла происходитъ единственно только вслѣдствіе недостатка средствъ. Комитетъ питаетъ надежду и твердую увѣренность въ томъ, что найдутся благочестивые ревнители православной вѣры и благотворители, которые помогутъ осуществиться доброму начинанію въ славу Божію и въ честь Его угодника. Пожертвованія принимаются: 1) въ Кіево-Михайскомъ монастырѣ у преосвященнаго настоятель монастыря; 2) у намѣстника Кіево-Печерской лавры, архимандрита Антонія и 3) у церковнаго старосты Кіево-Софійскаго собора купца Г. И. Брычкина.

Протоіерей Стефанъ Аѳанасіевичъ Рябчинскій *(некрологъ)*.—4 марта сего года отошелъ ко Господу старѣйшій изъ священнослужителей Кіевской епархіи, протоіерей с. Закутинецъ Бердичевскаго уѣзда С. А. Рябчинскій, род. въ 1822 г. По окончаніи курса въ Кіевской дух. семинаріи, С. А. Рябчинскій былъ рукоположенъ въ 1847 г. во священника къ Покровской церкви села Закутинецъ, и здѣсь *безпеременно*, на одномъ мѣстѣ, *пастырствовалъ* до смерти, *въ теченіи пятидесяти пяти лѣтъ*. Почившій 80-лѣтній старецъ—пресвитеръ церкви Божіей много и добрѣ потрудился во благо отечества, св. церкви и Богомъ врученной ему паствы, которую, съ Божіей помощію, даже увеличилъ, приведя „во дворъ овчій“ овецъ инаго двора—12 католиковъ.

Во время крестьянскихъ волненій въ 1862 году о. Стефанъ словомъ увѣщанія и пастырскаго убѣжденія водворилъ въ средѣ своихъ прихожанъ спокойствіе и повиновеніе Верховной Власти. Такъ слуги Божіи—пастыри Церкви „воздаютъ кесарево—кесареви“. Труды почившаго памятны и въ средѣ окружного духовенства, для котораго онъ былъ долгое время духовнымъ отцомъ. Званіе почтенное, свидѣтельствующее объ особенномъ христіанскомъ настроеніи почившаго пастыря добраго. Не забудетъ паства с. Закутинецъ, теперь состоящая изъ членовъ, о. Стефаномъ „порожденныхъ водою и Духомъ“, заслугъ своего пастыря по благоукрашенію мѣстнаго храма Божія благолѣпнымъ иконостасомъ.

Земныя власти здѣсь воздали протоіерею Стефану должныя дани за пастырскія труды и заботы. Остается намъ, сослужителямъ почившаго собрата, помолиться о водвореніи его безсмертной души въ обителяхъ райскихъ, двери въ которыя отверсты намъ Воскресшимъ изъ гроба Жизнодавцевъ.

Изъ духовныхъ журналовъ.

Свѣтлый праздникъ за границей.—Радуница („проводы“)—О благоустройствѣ кладбищъ.

Пасха... Праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова... Сколько радости вноситъ въ душу христіанина „сей нареченный и свѣтлый день... праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ“ христіанскихъ!.. И какъ мы ни сѣтовали бы на несоотвѣтствіе нашей жизни съ нашими праздничными настроеніями, во всякомъ случаѣ у насъ на Руси святой праздникъ сей чувствуется живѣе и глубже, чѣмъ въ другой странѣ. Въ 1898 г. профессору А. И. Введенскому великіе христіанскіе дни Страстной и Пасхальной седмицы довелось быть за границей. Вотъ какое вынесъ впечатлѣніе почтенный

профессоръ отъ празднованія этихъ святыхъ дней тамъ—въ чужой для насъ странѣ.

„Я отстоялъ, пишетъ г. Введенской, четверговую службу въ знаменитомъ Страсбургскомъ соборѣ, службу Великаго пятка—въ Миланскомъ; Великую субботу провелъ въ различныхъ храмахъ Рима, а мессу Свѣтлаго Воскресенія слушалъ въ знаменитомъ храмѣ Св. Петра (служилъ кардиналъ Рамполла).

Какое разнообразіе впечатлѣній! Величественная готика соборовъ; громовые звуки исполинскихъ органовъ; итальянская музыка большихъ и хорошо разученныхъ хоровъ; торжественныя процессіи; многочисленные служащіе съ кардиналами, митрополитами и епископами во главѣ въ ихъ нарядныхъ облаченіяхъ: какъ импонируетъ все это! Какое неисчерпаемое богатство вѣками накопленныхъ символовъ, мелодій, звуковъ развертывается предъ участниками этихъ торжественныхъ служеній! Сколько сосредоточено въ нихъ чувства,—то скорбнаго и умирающаго, то снова пробуждающагося къ радости и жизни!

И, однако, въ этихъ торжествахъ чувствуется какое-то глубокое несоотвѣтствіе между всею этою помпёзною символикой и живыми потребностями души.

Живо помню чтеніе въ Миланскомъ соборѣ *двѣнатцати Евангелій* (пятница—утро). Патеры, поочередно, испросивъ благословеніе у кардинала, шли съ Евангеліемъ къ одной изъ колоннъ, гдѣ устроено мѣсто для проповѣдниковъ, и съ этого возвышенія, обратясь къ народу, читали,—по латыни, конечно,—Евангеліе. Любопытныя толпы приливали и отливали, ибо слушали и не слыхали... Для кого же читалось это сказаніе о страстяхъ Христовыхъ? Кому вразумительна эта священная латынь? И винить ли толпу за ея равнодушное любопытство,—за то, что она *не слушала, а смотрѣла,* кто

и какъ читаетъ?.. Нѣтъ, не винить, а жалѣть надо эту толпу отъ которой *утаенъ* смыслъ и разумъ священныхъ торжествъ.

Помню въ великую субботу въ одномъ изъ аристократическихъ храмовъ Рима (на Корсо,—храмъ во имя св. Маркелла) торжество *Коронованія Божіей Матери.* На подмосткахъ—изваяніе Божіей Матери въ ростъ человѣка, облеченное въ яркія ткани краснаго и голубого цвѣта. Престарѣлый аббатъ въ сопровожденіи многочисленнаго сонма сослужащихъ выходитъ изъ праваго сакристирія и приближается, медленно и торжественно, съ возженными свѣчами и курящимися кадильницами,—къ возвышенію; читаетъ молитвы освященія короны и затѣмъ, поднявшись по лѣстницѣ на возвышеніе, возлагаетъ корону на Богоматерь. Невидимый хоръ поетъ величаніе,—страстно, театрально, съ условною вибраціей голосовъ... Что̀ это? Какой смыслъ этого торжества и почему именно оно пріурочено къ великой субботѣ? Никто не объясняетъ этого народу: „довольно съ него и помпы“!

Сосредоточенно и строго, весь погруженный въ себя, служилъ сановитый кардиналъ Рамполла пасхальную мессу въ храмѣ Св. Петра. Величественно гремѣлъ органъ. Стройно пѣла знаменитая сикстинская капелла. Дискантъ-кастратъ уходилъ подъ самые своды далекаго, едва виднаго простымъ глазомъ, купола. По окончаніи мессы, съ предносеніемъ свѣчей и въ сопровожденіи длиннаго ряда сослужащихъ, со сложенными и воздѣтыми къ небу руками, прослѣдовалъ властный сановникъ современнаго католическаго Рима въ сакристирій,—не прямымъ и кратчайшимъ путемъ, а обходнымъ, почти чрезъ весь обширнѣйшій храмъ. О, онъ долженъ быть виденъ *всѣмъ*! Онъ долженъ среди *всего* народа склонить свои колѣна предъ Тѣмъ, Кто далъ ему совершить эту мессу! И народъ смотритъ, упивается торжественнымъ зрѣлищемъ... Но никто, никакой „князь церкви“ не принесъ ему въ этотъ великій день вѣсти о воскресеніи и никто не облобызалъ его

лобзаніемъ христіанскимъ во имя Воскресшаго. О чемъ же гремѣлъ этотъ органъ? О чемъ рыдалъ дискантъ подъ куполомъ исполинскаго собора? Какіе гимны пѣлъ этотъ знаменитый папскій хоръ? О, конечно, *они*, эти сановитые и несановитые слуги папы, уединившагося тамъ въ Ватиканѣ,—*они* это знаютъ; а ему,—этому поистинѣ *темному* народу католическому,—ему это знать не необходомо...

Весь религіозный *разумъ* католическій клиръ взялъ себѣ, народу же предоставилъ жить лишь религіознымъ *чувствомъ*. Имъ только, только чувствомъ, и живетъ западный человѣкъ, именующій себя католикомъ, но, конечно,—это лишь жизнь половинная. Привычною тропой отцовъ онъ идетъ на пасхальныя торжества и процессіи въ величественные храмы, хотя, въ большинствѣ случаевъ и не понимаетъ ихъ смысла. Но эта жизнь религіознаго *инстинкта*, слѣпая и не сознанная, не можетъ, конечно, имѣть широкаго вліянія и отражаться глубокимъ преобразованіемъ и направленіемъ въ опредѣленную сторону, къ опредѣленнымъ идеаламъ остальныхъ житейскихъ отношеній.

Тихо и безшумно подходитъ въ католическихъ странахъ этотъ великій праздникъ и уходитъ, не оставляя въ душѣ никакой особой полосы, никакого особеннаго настроенія. *Святая ночь*" не отдѣляетъ для католика его Свѣтлаго праздника отъ другихъ дней. „Votre Jésus est galant",—сказалъ одному католику православный,—Онъ не хочетъ безпокоитъ васъ и воскресаетъ не ночью, а утромъ, въ девять-десять часовъ. Это вѣрно и очень характерно. Наступая тихо и незамѣтно, праздникъ Пасхи такъ же тихо и незамѣтно и уходитъ. На другой день уже жизнь вступила въ свою обычную, суетливую и дѣловую колею: храмы заперты, лавки отворены (нѣкоторыя были, впрочемъ, открыты уже и въ первый день праздника); городъ суетится, кричитъ и волнуется обыденными житейскими волненіями... Какъ будто еще только вчера

эти люди не праздновали величайшаго момента всемірной исторіи!

И вотъ, на этомъ однотонномъ фонѣ, съ особенною яркостію выступаетъ предъ русскимъ человѣкомъ, живущимъ на чужбинѣ, *Пасха православная*, празднуемая на великой *Святой Руси*.

Весь народъ участвуетъ у насъ въ праздникѣ! Всѣмъ доступенъ смыслъ и разумъ священныхъ пѣснопѣній! Никакая душа не можетъ быть настолько черства и замкнута, чтобы не откликнуться въ православномъ храмѣ на эту общую радость Воскресенія Христова, возвѣщаемую всѣмъ доступнымъ языкомъ. Христосъ Воскресе... А этотъ пасхальный звонъ, всѣ дни святой седмицы, напоминающій объ ихъ исключительномъ характерѣ: ничего, ничего подобнаго тамъ, на Западѣ, ни у католиковъ, ни у протестантовъ, нѣтъ! Нѣтъ тамъ ни внутренняго общенія въ праздничной радости, у міранъ съ клиромъ и между собою, ни внѣшняго ея выраженія; ни христосованія, ни звона,—этого радостнаго пасхальнаго звона"... (Душеполезное чтеніе,—апрѣль, 1902, стр. 687—692).

Отпраздновавъ Свѣтлую Седмицу, въ дни тѣхъ называемыхъ „проводовъ" (по мѣстному) или „Радуницы" (по великороссійскому) идутъ православные христіане на могилки своихъ присныхъ, чтобы и здѣсь безсмертнымъ душамъ усопшихъ у мѣстъ ихъ тѣлеснаго упокоенія возвѣстить радость Воскресенія Христова. Но тутъ радость читателя намъ приходится поневолѣ омрачить указаніемъ на тотъ печальный видъ, въ какомъ находятся наши кладбища,—особенно въ въ сельскихъ приходахъ. Въ Оренбургскихъ Епарх. Вѣд. напечатана отдѣльная статья „о благоустройствѣ приходскихъ кладбищъ (1902 г., № 2). Вотъ что читаемъ мы здѣсь.

„Прежде всего, пишетъ свящ. Д. К., (авторъ названной замѣтки), нельзя назвать нормальнымъ уже то, часто наблюдаемое

явленіе, что кладбища находятся на очень близкомъ разстояніи отъ жилья. Въ прежнее время оно объяснялось нежеланіемъ прихожанъ разлучаться съ своими приходскими храмами и послѣ смерти, надѣявшихся, что, благодаря сосѣдству съ ними, удостоятся лучшей участи при всеобщемъ воскресеніи. Но высшая духовная и свѣтская власть не раздѣляла эту простодушную вѣру нашихъ предковъ, и закономъ 1771 года воспретила погребеніе умершихъ въ чертѣ осѣдлости, „понеже мертвыхъ тѣлесъ мѣстомъ воскресити не можемъ“, какъ объяснялъ Орловскій архипастырь того времени. Современныя законоположенія строго предписываютъ имѣть кладбища не ближе, какъ на разстояніи 1/2 версты [1]), но рѣдко приходится видѣть примѣненіе ихъ на практикѣ. Близость кладбища съ жильемъ очень неблагопріятно отзывается на внѣшнемъ положеніи кладбищъ. Сюда имѣетъ безпрепятственный доступъ скотъ, ищущій здѣсь себѣ кормъ, такъ что въ мѣстахъ успокоенія православныхъ христіанъ „вмѣсто молитвъ и пѣснопѣній раздается, по выраженію одного путешественника по западнорусскимъ окраинамъ, блеяніе овецъ, ржаніе лошадей, хрюканье свиней и т. п.“ [2]). Такому поправію приходскихъ кладбищъ способствуетъ и то обстоятельство, что большинство изъ нихъ не только не огорожены, но даже и не окопаны, а гдѣ и есть вокругъ кладбища канавы, то обыкновенно незначительной ширины и глубины, такъ что перешагнуть или перепрыгнуть ихъ не составитъ большого труда даже для ребенка.

Но не одни только животныя являются осквернителями этой приходской святыни,—и сами люди иногда нарушаютъ покой почивающихъ сномъ смерти своихъ присныхъ, дѣлая кладбища средоточіемъ безчинныхъ поступковъ, когда устраи-

---

[1]) Уст. врач. ст. 694.

[2]) Лит. Епар. Вѣд. 1898 г, № 17.

ваются на кладбищахъ въ день „проводовъ" попойки, или водятъ возлѣ нихъ весной хороводы и т. п.

Вина за небрежное отношеніе къ кладбищамъ лежитъ, конечно, прежде всего на прихожанахъ, но положеніе и долгъ пастыря церкви заставляетъ его выяснить своей паствѣ неправильность такого небреженія и побудить ее принять всѣ мѣры къ приведенію мѣстныхъ усыпальницъ въ благоустроенный видъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, по иниціативѣ духовныхъ и, даже, свѣтскихъ лицъ, организуются попечительства о кладбищахъ, ставящія своей задачей приведеніе ихъ въ благоустройство. Такое попечительство существуетъ, напримѣръ, въ Твери, и дѣятельность его на пути къ достиженію намѣченной цѣли въ первые же годы оказало самые благіе результаты [1]). Помимо заботъ о внѣшнемъ благолѣпіи кладбища, совѣтъ названнаго попечительства распланировалъ все кладбище на 26 участковъ и описалъ подробно намогильные памятники и насыпи, такъ что всякій посторонній человѣкъ безъ особенныхъ трудовъ можетъ найти по этимъ описаніямъ дорогія для него могилы. Нельзя не пожелать, чтобы число такихъ попечительствъ множилось въ городахъ, гдѣ для нѣсколькихъ приходовъ существуетъ обыкновенно одно кладбище; что же касается сельскихъ приходовъ, то въ настоящее время почти при каждомъ существуетъ церковно приходское попечительство, которое не только можетъ, но по существующимъ законоположеніямъ [2]), и обязано заботиться о содержаніи приходскихъ кладбищъ въ должномъ порядкѣ. Самое главное въ этомъ дѣлѣ—иниціатива, которая и должна принадлежать приходскому священнику; матеріальныхъ затратъ потребуется немного. Такія мѣропріятія, какъ напр., прорытіе широкихъ

[1]) См. Церк. Вѣд. 1898 г. № 21.

[2]) См. Уст. общ. призр. т. XIII ст. 568, изд. 1892 г.

канавъ вокругъ кладбища, устройство плетней или оградъ посадка деревьевъ, поправка старыхъ и постановка новыхъ крестовъ надъ могилами, исчерпываютъ почти все, что слѣдуетъ сдѣлать на первыхъ порахъ для благоустройства кладбищъ, а между тѣмъ, кромѣ личнаго труда, они нечего не требуютъ [1]). Такимъ образомъ, при самыхъ незначительныхъ усиліяхъ со стороны ревнителей благоустроенія прихода и, особенно—священника можетъ быть устранено это темное явленіе нашей церковно-приходской жизни".

Библіографическая замѣтка.

Д. Боголюбовъ. Миссіонерскія бесѣды съ штундобаптистами.—Опытъ библейскаго обоснованія православно-христіанскихъ истинъ, отвергаемыхъ сектантами. Харьковъ 1902 г. 377 стр. ц. 1 р. 75 коп.

Обращаемъ вниманіе всѣхъ интересующихся полемикой съ сектантами на вышедшій трудъ Д. Боголюбова. Съ глубокимъ знаніемъ Св. Писанія и какъ православнаго ученія, такъ и сектантскихъ мудрованій, авторъ книги соединяетъ полемическое искусство и незаурядную энергію, такъ что книгу его миссіонерскихъ бесѣдъ съ большими надеждами ожидали всѣ близкіе къ дѣлу миссіи среди раціоналистическаго сектантства лица. И дѣйствительныя достоинства вышедшей книги вполнѣ оправдали репутацію миссіонера.

И первое достоинство книги миссіонерскихъ бесѣдъ автора—ея бытовой интересъ. Каждая такая бесѣда, а ихъ въ книгѣ девятнадцать,—картина съ натуры, настолько вѣрная,

---

[1]) Св. Синодъ разрѣшаетъ употреблять на предметъ благоустройства кладбища деньги изъ церковныхъ суммъ. См. Указъ 23 окт. 1738 г.

часто настолько художественно воспроизведенная, что даже чуждые интереса къ богословско—полемическимъ вопросамъ не могутъ оставаться равнодушными при чтеніи этихъ бытовыхъ очерковъ изъ крестьянской среды. Бесѣды миссіонера съ сектантами въ настоящее время одно изъ самыхъ выдающихся явленій въ русской народной жизни, и каждый разъ пріѣздъ миссіонера въ приходъ съ сектантскимъ населеніемъ сильно волнуетъ приходъ, надолго оставляетъ слѣдъ въ жизни его и служитъ предметомъ долгихъ разговоровъ у крестьянъ, православныхъ и сектантовъ. При чтеніи бесѣдъ Д. И. Боголюбова предъ глазами читателя живо возстаютъ одинъ за другимъ вожаки сектантства, большіе начетники, жаркіе полемисты и хитроумные вожаки своего стада со всѣми типичными свойствами крестьянина. Живо возстаетъ и сектантская масса съ своею преданностью буквѣ Писанія, узкостью своего мышленія и изступленною ненавистью къ православію. А здѣсь же рядомъ стоитъ и „міръ" православныхъ, радостно привѣтствующій каждое пораженіе наносимое „смутьянамъ и хулителямъ" устами ученаго миссіонера.

Второе достоинство книги--полнота ея содержанія. Авторъ разобралъ въ своихъ бесѣдахъ не только главные, существенные вопросы въ разногласіяхъ сектантовъ съ православною Церковію, но и такіе вопросы, которые больше указываютъ на недобросовѣстность и тупость сектантской мысли, чѣмъ на вѣрованія ихъ. Бесѣды Д. Боголюбова касаются вопросовъ о св. Писаніи и св. Преданіи, объ оправданіи вѣрою безъ внѣшнихъ дѣлъ, о крещеніи младенцевъ, о личной христіанской святости, о Христовомъ священствѣ, о фарисеяхъ и книжникахъ по 23 гл. отъ Матѳея, о святости Церкви, о судѣ Церкви надъ грѣшниками, о св. причащеніи, о св. покаяніи и помазаніи елеемъ, о молитвенномъ призываніи святыхъ, о св. мощахъ, о молитвахъ за умершихъ, о рукотворенныхъ храмахъ Божіихъ, о почитаніи св. иконъ, о почи-

таніи честнаго креста, о крестномъ знаменіи, о св. постахъ, о сектантскихъ богомоленіяхъ... Всѣ эти вопросы обставлены возраженіями со всею тою мелочностью до скруполезности, на которую способны сектанты, и на всѣ эти вопросы данъ надлежащій вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ. Слѣдуя примѣру апостольскому—„быть всѣмъ вся: для немощныхъ, яко немощный“ (1 Кор. 9, 22)—авторъ становится въ своихъ отвѣтахъ исключительно на принимаемую сектантами библейскую почву и цитатами изъ Библіи, поражаетъ въ корнѣ и основныя заблужденія сектантовъ и ихъ частныя возраженія. При созерцаніи всѣхъ тѣхъ ударовъ, которые наноситъ авторъ суемудрію сектантовъ пращею Слова Божія, невольно приходятъ на мысль слова Господа объ исполненной значенія каждой іоты закона Божія (Мѳ. 5, 18).

Наконецъ, третье достоинство книги—ея научная польза въ изученіи обличенія сектантства. Автору, въ его многолѣтней практикѣ, пришлось выслушать не мало всевозможнаго рода возраженій сектантовъ противъ православнаго ученія и изъ нихъ авторъ составилъ своего рода систему сектантскаго ученія, сопоставивъ ей свой „опытъ библейскаго обоснованія православно христіанскихъ истинъ, отвергаемыхъ сектантами“, какъ онъ самъ объ этомъ говоритъ заглавіемъ своего труда. Въ этомъ ученіи, какъ плодѣ мышленія простого народа, мало логики, но много того, что способно смутить и дѣйствительно смущаетъ тысячи лыдей. И въ этомъ отношеніи изъ бесѣдъ Д. Боголюбова можно познакомиться съ сектантствомъ, какъ бы изъ личнаго живого общенія съ самими сектантами. А это дѣлаетъ книгу для всѣхъ изучающихъ сектантство въ высокой степени полезной.

Выписывать можно отъ автора: Харьковъ, Духовная Консисторія.

С. П.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ИКОНОСТАСНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

МАСТЕРА

Г. И. ВОЛОДИНА

въ Кіевѣ, Воздвиженская ул., д. № 62.

Принимаетъ на себя всякаго рода заказы: Иконостасы, Кіоты, Рамы, Живописи, Рѣзьбы Столярныя, Позолотныя, Эмалированныя и проч. подобныя работы.

А также покраску и отдѣлку живописью, и фресками стѣнъ храмовъ.

Всѣ работы исполняются лучшими матеріалами доброкачественно и въ срокъ, при личномъ моемъ наблюденіи.

Произвелъ работы въ церквяхъ г. Кіева: Андреевской, Срѣтенской и Златоустовской. Имѣетъ похвальный отзывъ отъ Комитета по ремонту Кіево-Андреевской церкви. 2—12.

Дзенгелевское Ссудо-сберегательное Товарищество

(Кіев. губ., Уманскій у., с. Дзенгелевка; поч. ст. Буки, ж.-д. ст. Поташъ Уманской вѣтви—въ 6 верстахъ).

ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ, уплачивая: а) по вкладамъ до востребованія—4%, б) по срочнымъ на 6 м.—5%, в) по срочнымъ на 1 г.—6% и г) по срочнымъ на 5 лѣтъ—7%, безъ взысканія 5% сбора казнѣ.

Полная обезпеченность. Подробности въ уставѣ и особыхъ объявленіяхъ, высылаемыхъ безплатно. 1—10.

Редакторъ неоф. части священникъ *Ѳ. Титовъ.*
Помощникъ редактора священникъ *І. Троицкій.*

Отъ Кіевск. дух. цензур. Комитета печат. дозв. 28 апрѣля, 1902 г.
Предсѣдатель Комитета, проф. Академіи, прот. *І. Корольковъ.*
Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Акціон. О-ва Н. Т. Корчакъ-Новицкаго. Меринговская улица.